

УДК 904(470.5)(045)

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.4.225.233>

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ КРЕМАЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ (НА ПРИМЕРЕ МОГИЛЬНИКОВ III–V ВВ.)

©2025 г. О.А. Казанцева

Предметом статьи является история изучения кремаций как способа погребального обряда населения по материалам могильников III–V вв. в Среднем Прикамье. Представлена краткая информация о фиксации остатков и останков кремаций в погребальных памятниках, расположенных в Пермском крае (Мокинский, Кудашевский I могильники) и Удмуртской Республике (Нивский, Арай, Дубровский могильники). Выделено два периода в изучения кремаций. Первый период (середина 50-х гг. XX в. – конец 90-х гг. XX в.) связан с фиксацией, сбором и накоплением материалов, их авторской интерпретацией и публикацией статей, содержащих сведения о кремациях. Второй период (начало 2000-х гг. по настоящее время) – с исследованием кремаций с применением методов естественных наук. Обозначены результаты, проблемы в изучении кремационных материалов. Анализ описания кремаций на памятниках отличается авторской оценкой и отсутствием единых подходов к методике исследования. Перспективно применять в изучении кремаций подходы и методы, разработанные учеными Института археологии РАН (г. Москва). Важность исследования кремаций состоит в новых возможностях для реконструкции погребального обряда и для моделирования древнего ландшафта.

Ключевые слова: археология, Среднее Прикамье, III–V вв. н.э., Великое переселение народов, могильники, погребальный обряд, кремации, история и методы изучения

ON STUDYING THE CREMATION PRACTICES OF THE MIDDLE KAMA REGION POPULATION (BASED ON THE MATERIALS FROM THE BURIAL GROUNDS OF THE III–V CENTURIES)

O.A. Kazantseva

The article focuses on the history of research concerning cremation as a form of burial rite among the population, based on materials from the burial grounds of the III–V centuries in the Middle Kama Region. It provides brief information on the documentation of cremation remains and residues at burial sites located in Perm Krai (Mokino, Kudash I burial grounds) and the Udmurt Republic (Niva, Arai, Dubrovsky burial grounds). Two distinct periods in the study of cremations are identified. The first period (mid-1950s – late 1990s) involved the documentation, collection and accumulation of materials, their interpretation by researchers, and the publication of articles containing data on cremations. The second period (early 2000s – present) is characterized by the study of cremations using natural science methods. In addition, the results and issues in the study of cremation materials are outlined. The analysis of cremation descriptions across different sites reveals significant variation in author's perspective and a lack of standardized research methodologies. It is promising to apply the approaches and methods developed by scientists at the Institute of Archaeology RAS (Moscow) to the study of cremation sites. The importance of cremation research lies in the new possibilities for reconstructing the burial rites and for modeling the ancient landscape.

Keyword: archaeology, Middle Kama region, III–V centuries AD, Migration Period, burial grounds, burial rite, cremation, history and methods of study.

В современной отечественной археологической науке изучение кремаций, как способа захоронения людей, является одним из направлений исследования ученых (Добровольская, 2010, с. 85–97; Клещенко, Решетова, 2019).

Целью статьи является рассмотрение состояния исследования кремаций на примере

нескольких могильников III–V вв. (Нивский, Дубровский, Арай в Удмуртии, Мокинский, Кудашевский I в Пермском крае), расположенных в Среднем Прикамье. Материалы данных памятников были проанализированы с целью выяснения степени изученности кремаций, а также проблем, связанных с их интерпретацией авторами публикаций.

Обоснование выборки памятников. Для анализа были взяты доступные данные из научных публикаций ученых за период с 1978 г. по настоящее время. Отметим раскопки и научно-исследовательские темы по изучению могильников I–V вв. трех научных центров: Удмуртского государственного университета (УдГУ, г. Ижевск, КВАЭ), Национального музея Удмуртской Республики имени Кузеева Герда (НМУР, г. Ижевск), Пермского государственного научно-исследовательского университета (ПГНИУ, г. Пермь, КАЭ).

Краткая история изучения кремаций в Среднем Прикамье. В истории изучения кремаций выделим два периода: *первый* (середина 50-х гг. XX в. – конец 90-х гг. XX в.) – накопление и описание явлений, связанных с кремациями и *второй* (начало 2000-х гг. по настоящее время) – интерпретация данных, связанных с кремационными остатками при исследовании погребального обряда древнего населения и применением методов естественных наук в изучении кремаций.

Периоды выделены на основе смены деятельности, а точнее методов работы ученых с остатками кремаций на указанных памятниках. Основным критерием рассматриваемых периодов является хронологическое деление на исторические отрезки.

Исследование погребальных памятников в Среднем Прикамье не только проводилось по общепринятой методике раскопок объектов, но и в публикациях авторы опирались в изложении материалов на определенную схему: общие сведения о памятнике, погребальный обряд, вещевой комплекс и иллюстрации, документирующие ход, результаты раскопок. Сведения о погребальных кострах, обожженных деревянных конструкциях и т.д. содержатся именно при описании погребального обряда населения конкретного памятника.

Накопление и описание данных, связанных с кремациями связано собственно с полевым исследованием археологических объектов в Среднем Прикамье и публикацией материалов по итогам (или в процессе) раскопок могильников.

Первый период изучения (середина 50-х гг. XX в. – конец 90-х гг. XX в.). На территории Удмуртии одним из первых объектов, в котором были отмечены кремации, являлся Нивский могильник (III–V вв.) – памятник мазунинской культуры. Могильник был обна-

ружен В.А. Семеновым в 1956 г., в 1972 г. Удмуртским отрядом Нижне-Камской археологической экспедиции ИА АН СССР состоялись небольшие раскопки, а в 1974 г. работы продолжила Т.И. Останина (Удмуртский республиканский краеведческий музей, г. Ижевск) (Останина, 1978, с. 92). В Нивском могильнике были зафиксированы: обугленные кости животных и человека, остатки кострищ, уголь в парных погребениях 51 и 74 (Останина, 1978, с. 93–94). Автор публикации предполагал, что «... погребальные костры, видимо, разводились и в могильных ямах, и рядом с ними» (Останина, 1978, с. 94). Используя метод статистики, автор выяснила, что 43% могил имеют в заполнении уголь, из них в 15 погребениях содержится скопление угля, «...иногда с кусочками прокаленной глины, а в некоторых случаях и пятна обожженной глины» (Останина, 1978, с. 94). Хронология могил позволила отметить, что в III–IV вв. зафиксировано 10 могил, содержащих в заполнении уголь и только три случая – в V в. н.э. (Останина, 1978, с. 94, табл. Б). Эти сведения, касающиеся кремаций, изложенные Т.И. Останиной, являются одними из первых для памятников исследуемого периода и территории.

Одним из первых могильников в Пермском крае, содержащим кремации и представленным в информационных статьях был Мокинский могильник, расположенный в Пермском районе. В Мокинском могильнике, IV в. – первая половина V в., в 1987 г. исследователи выделили «три типа захоронений – трупоположение, частичное трупоположение и полное трупосожжение (треть всех погребальных комплексов)» (Мельничук, Оборин, Соболева, 1989, с. 79). «На раскопе II выявлено ритуальное захоронение человеческого черепа, располагавшегося на округлой подсыпке из мелкого галечника. На костях черепа прослеживаются следы воздействия огня» (Мельничук, Оборин, Соболева, 1989, с. 79). Высказано мнение о возможном существовании на территории могильника кремационных камер, которые представляли собой канавообразные сооружения «глубиной до 1,5 м и шириной от 1,0 м до 6,0 м» (длина его по итогам работ в 1994 г. составляла 24 м), в которых располагались многочисленные линзы пережженных костей, сырых костей, среди них найдены человеческие и развалы столовой посуды. «По краям объекты присыпались материко-

вой глиной, под которой фиксировались обгорелые части плах или досок» (Мельничук, Оборин, Соболева, 1989, с. 79–80).

По итогам раскопок памятника в 1994 г., на основании пятен пережженных костей, мощностью 18–20 см, четыре погребения (пп. 229, 232–234) отнесены к обряду частичной кремации. Возле пп. 232–234 располагались «три угольно-сажистых пятна с мелкими пережженными костями», мощностью 10 см (Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2011, с. 68). Интересно, что могилы содержали инвентарь, который авторы связывают с воинскими атрибутами (нож в деревянных ножнах, поясные накладки и серебряный наконечник ремня и навершие, обломки меча, пряжка с зернью и стеклянными вставками, наконечник копья, накладка из золотой фольги с зернью, кинжал и предметы конской упряжи). Вероятно, кремации использовались в одинаковой степени как для «богатых» людей или важных персон в области военного дела, так и для «рядовых». Аналогичная ситуация прослеживается в погребениях с кремациями в Кудашевском I могильнике (Казанцева, 2021, с. 41).

Три погребения Мокинского могильника, содержащие уголь, костную золу, пережженные кости в засыпи (пп. 231, 235, 237), отнесены к обряду полной кремации. Обряд в пяти могилах (пп. 230, 236, 238–240) определен как полное трупоположение, а в одной (№ 241) отмечено частичное трупоположение. Аргументы – в заполнении могил угольки, кости разрозненные и измельченные. Кроме того, изучен объект, по мнению авторов статьи, жертвенник, содержащий золу и пережженные кости, около погребений 231 и 229 (Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2011, с. 73).

Отмечены находки костей черепа человека и животного в пп. 233, 235 (Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2011, с. 66–67). В погр. 239 найдены зубы лошади при отсутствии черепа человека (Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2011, с. 68). Зафиксированы фрагменты черепа человека в разной степени сохранности при кремациях в могилах, которые в погребениях размещались в разных частях: в центре (пп. 240, 241), в западной части (погр. 232). В одном случае в центре найден фрагмент черепа и зуб лошади (погр. 235) и в юго-западном углу обнаружены только зубы лошади (погр. 239).

Один из элементов кремаций – кальцинированные косточки располагались в яме овальной формы (0,84×0,72×0,23 м) в центре погребения 235, в которой, наряду с пережженными костями, отмечен фрагмент черепа человека (Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2011, с. 70). Информация о количестве, состоянии, цвете и весе косточек, размере и т.д. представлена далеко не во всех случаях, полной картины нет. Судя по чертежам в публикации, это поверхностное рассыпание угля и золы в могиле (пп. 232, 237) и наличие костей, золы в определенном месте (ямки, линзы, пятна), например, в пп. 229, 231, 233, 234, 235.

Важный элемент для изучения кремаций – заполнение могил. В засыпях могил памятника отмечены: рыхлый суглинок с угольками (пп. 231, 233, 236) и темный суглинок (погр. 241), в остальных случаях заполнение в публикации не указано (Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2011, с. 66–68).

Сведения о деревянных конструкциях, обнаруженных в могилах на памятнике, дополняют информацию об обрядах и применении огня при захоронении. Исследователи считают, что деревянные настилы «... разрушались или сжигались, так как все они зафиксированы во фрагментарном состоянии, в основном в виде углистых прослоек» (Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2011, с. 71).

Далее исследователи выделили два типа захоронений, в которых сожженные остатки костей располагаются беспорядочно на дне могилы и погребения, содержащие кости человека в «специальном углублении» в центре могилы. Отметили, что обряду частичной кремации подвергалась «центральная часть костяка (кости грудной клетки и позвоночного столба)» (Кулябина, Лабутич, Мельничук, 1998, с. 24). Ученые выделили на памятнике 4 типа погребений с частичной кремацией, за основу деления был взят характер расположения костных остатков в могиле. Первый тип – кальцинированные кости размещались в центре могилы, кости черепа, верхних и нижних конечностей сохранены; второй – кальцинированные кости находились в специальном углублении ниже уровня могилы, кости черепа сохранены, не испытали воздействие огня; третий – кальцинированные кости перемешаны с сырыми костями человека; четвертый – кости скелета человека

имеют следы слабого воздействия огня (Кулябина, Лабутин, Мельничук, 1998, с. 24).

Сооружения в виде угольно-сажистых пятен на Мокинском могильнике, глубиной до 1 м, насыщенных костями и золой, Н. В. Кулябина считала подобием кремационных камер (Кулябина, 2006, с. 410).

Исследователи памятника: С.Н. Кореньюк и А.Ф. Мельничук выделили два типа кремаций на памятнике: полную и частичную (Кореньюк, Мельничук, 2006, с. 409).

Таким образом, сведения о кремациях Мокинского могильника разных ученых дают в целом представление о характере остатков погребальных конструкций, останков людей и животных, интерпретацию авторов раскопок о способе и вариациях кремаций, расположению костей и инвентаря в могилах. Важен вывод о наличии кремаций на памятнике. Конечно, для глубокого понимания обряда кремирования населения, оставившего этот могильник, сообщается недостаточно сведений о количестве, идентификации тех или иных останков (человека и/или животных), иногда мощности и содержания слоев, равно как и аргументов в пользу вариантов и признаков выделенных кремаций в статьях, но ценно то, что они опубликованы и доступны для сравнения, анализа с другими памятниками.

Другим памятником Пермского края, содержащем в своих материалах кремации, является открытый в 1989 г. Кудашевский I могильник в Бардымском районе. За период раскопок с 1990 г. по 2000-е гг. на объекте были накоплены коллекции, содержащие органику (кости животных, в основном лошади) и останки людей. Кальцинированные косточки, уголь находятся в погребениях, в их засыпи и в ямках, возможно, ритуального характера и в межмогильном пространстве.

Второй период (начало 2000-х гг. по настоящее время) представлен результатами работ на могильниках территории Удмуртии и Пермского края.

Дубровский могильник, IV–V вв. (Киясовский район Удмуртской Республики) раскапывался отрядом КВАЭ с 2009 г. по 2017 г. Исследователи памятника, наряду с характеристикой погребального обряда и инвентаря, половозрастных определений умерших, указывают «следы огненных ритуалов... в фиксации остатков костров на поверхности насыпанных могил (пп. 15, 16, 22, 23, 27, 29,

35» (Черных, Перевозчикова, Бернц, 2010, с. 207). «В ряде погребений отмечены специфические черты погребального ритуала, не характерные для местных некрополей: обмазка стенок глиной, со следами обжига, подсыпка дна и останков погребенного мелом, камни в засыпке, иногда довольно крупные» (Бернц, Черных, Перевозчикова, 2015, с. 456).

Могильник Арай, IV–V вв. (Каракулинский район Удмуртской Республики) также итог работ КВАЭ УдГУ. В 2005 г. на могильнике «... в одном случае верхнее перекрытие было обуглено» (Черных, Карпушкина, Перевозчиков, Перевозчикова, 2007, с. 398). При характеристике погребального обряда памятника, в том числе деревянных конструкций авторы статьи указывают «... что в 7 могилах (пп. 8, 58, 68, 74, 86, 109, 158) зафиксированы следы температурного воздействия: это обугленные плахи, углистые пятна или отдельные угли в слое заполнения и рядом с костяками» (Черных, Хайруллина, 2018, с. 88). Формат информационного издания, вероятно, не позволил авторам более подробно остановиться на деталях, связанных с кремациями.

Особо остановимся на материалах Кудашевского I курганно-грунтового могильника (Казанцева, Сунцова, 2019, с. 221–231; Казанцева, 2022, с. 308–320; Казанцева, Куприянов, 2023, с. 193–207). Изучение кремаций на памятнике имеет некоторую историю исследования. Впервые кальцинированные косточки на памятнике в погребении и в ямках (возможно, ритуальных?) были отмечены в 1989 г., в год открытия памятника.

В течение ряда лет в раскопках Кудашевского I курганно-грунтового могильника участвовала канд. биол. наук, доцент Н.Ю. Сунцова (ИжГСХА), ею были подготовлены пробы древесины от внутримогильных конструкций, определены породы лиственных и хвойных деревьев. В результате был сделан важный вывод о том, что «...некоторые деревянные конструкции испытали воздействие огня» независимо от типа погребальной конструкции и пола умершего (Казанцева, Сунцова, 2019, с. 228). В дальнейшем, эти определения стали базой для сравнения с другими памятниками из соседних территорий. Выделенные виды древесины хвойных пород от погребальных конструкций подтвердили вывод о том, что они не отличаются от обугленных конструкций на памятнике.

Из Кудашевского I курганно-грунтового могильника исследованы погребальные деревянные внутримогильные конструкции (Казанцева, 2021, с. 40–43). Дан общий обзор состояния кремационных остатков: обугленных погребальных конструкций; ямок, содержащие уголь и кости; останков животных, человека (Казанцева, 2021, с. 40–43; Казанцева, 2022, с. 308–320; Казанцева, 2022а, с. 193–206).

Отдельная работа посвящена результатам изучения древесного угля из раскопок 2022 г. и содержащихся в могилах, их заполнении, в межпогребальном пространстве (Казанцева, Куприянов, 2023, с. 193–207). При изучении угля был применен ксилотомический анализ, что позволило не только определить породу деревьев по составу спектров древесного угля (ель, сосна, ольха и осина), но и соотнести результаты исследования с палеоландшафтом Прикамья и сопредельных территорий. Уголь, как реликт кремаций, обнаружен в погребениях с обрядом ингумации населения могильника, также уголь зафиксирован в слое могил, совершенных по обряду кремации на стороне. Исследование показывает ценный информационный потенциал древесного угля для изучения кремаций на памятниках.

В целом, информация авторов о кремациях на могильниках разная по объему и содержанию, свидетельствует о том, что такие погребения отличаются от могил местного населения, а, следовательно, хоронившие умерших имели отличные от прикамского населения представления о способе погребального обряда.

Таким образом, второй период изучения памятников (начало 2000-х годов по настоящее время) отличается от первого применением специальных методов исследования кремаций, интерпретацией результатов в сравнении с другими объектами и появлением научных статей, связанных с конкретными результатами исследований кремаций на примере отдельных памятников Среднего Прикамья.

Некоторые результаты. В публикациях кремационные материалы даны в контексте погребального обряда при описании погребений (Нивский могильник, Мокинский могильник), но сами остатки кремаций (кости человека и животных обожженные, угли, обугленные внутримогильные погребальные конструкции и т.д.) не изучены, не взяты при полевых раскопках, что, конечно, значительно снижает информационную составляющую

для исследования кремаций как исторического источника в целом.

Из материалов Кудашевского I могильника изучены: древесина внутримогильных конструкций, древесный уголь, проведена статистика заполнений могил с кремациями. Пробы угля хранятся в базе данных ИА РАН, наряду с другими материалами памятников. В настоящий момент – это единственная представительная коллекция угля памятников эпохи Великого переселения народов в России. Исследование стало возможно при многолетнем сборе угля в раскопках и сотрудничестве с Д.А. Куприяновым, м.н.с. Лаборатории контекстуальной антропологии ИА РАН, г. Москва. Получены выводы о преобладании сосны (50%) на памятнике в качестве материала для обугленных погребальных конструкций (Куприянов, 2021, с. 119–120).

Следует отметить, что материалы раскопанных могильников (Арай, Дубровский) включены в научный оборот на уровне краткой информации о кремациях в контексте описания погребального обряда, что в определенной мере затрудняет сравнение уже изученных коллекций могильников Среднего Прикамья с неопубликованными памятниками подобного рода.

Таким образом в изучении кремаций памятников III–V вв. в Среднем Прикамье необходимо отметить длительный временной процесс накопления данных: от первых сборов и упоминаний в литературе, их авторской интерпретации и затем планомерного анализа коллекций конкретных памятников, связанных с кремациями, публикациями в научных изданиях. Краткий анализ литературы позволяет отметить, что кремации, как способ захоронения, занимают важное место в погребальных обрядах прикамского населения.

Обозначим некоторые **проблемы**. Отсутствие методики сбора кремаций в полевых работах на памятниках до 2000-х гг. XX в., следовательно, несмотря на наличие материалов, связанных с кремациями, указанными в научных статьях, сбор кремаций не всегда был предпринят в поле для дальнейшего изучения учеными в камеральных условиях. Но материалы фиксировались на уровне записей в дневнике раскопок, чертежах.

Среди учёных в региональной науке существовало традиционное мнение о преобладании погребального обряда ингумации у древ-

него населения в III–V вв. Этот факт также в значительной степени не позволяет в настоящее время проводить сравнение материалов кремаций отдельных памятников и делать выводы по итогам исследования могильников в Среднем Прикамье.

Несмотря на разные мнения ученых относительно этнокультурной и этнической принадлежности населения рассматриваемых в статье памятников (Нивский, Дубровский, Боярский («Арай»), Мокинский, Кудашевский I могильники), авторы соотносят их с эпохой Великого переселения народов. Процессы, которые происходили на территории Среднего Прикамья, отражали, прежде всего, взаимодействие местного и пришлого населения. Погребальный обряд в данном случае демонстрирует традиции древнего населения в своем взаимовлиянии и выражается по-разному в каждом конкретном памятнике. В этом плане представляется весьма перспективно обратить внимание исследователей могильников на содержание погребального обряда – детали кремаций (степень и место обугленности внутримогильных конструкций, наличие костей, их расположение, мощность и т.д.), что несомненно будет способствовать пониманию важной роли огня в обрядовых или кремационных действиях и т.д. Практическое определение древесных пород во многом позволяет определить выбор древесины для совершения кремаций, исследовать древний палеоландшафт.

Перспективы изучения кремаций в Среднем Прикамье заключаются в применении

учеными в научной деятельности методических приемов и многолетних апробированных способов работы с кремационными материалами, разработанными в ИА РАН (г. Москва). Коллектив ученых отдела контекстуальной антропологии успешно внедрил методику фиксации, сбора и полевых условиях, обработку и идентификацию материалов, связанных с кремациями (обугленные кости людей, животных, угли, обугленная древесина и т.д.).

Важную роль в понимании роли древних кремаций для современных исследователей имеют ежегодные научные семинары, проводимые для археологов в Институте археологии РАН (г. Москва) с 2014 г., в том числе в смешанном формате (Добровольская, 2021, с. 8). Обмен мнениями, рассмотрение проблем, достижений коллег в области изучения кремаций, безусловно, способствует дальнейшей разработке важных, сложных, обсуждаемых вопросов, связанных с этим явлением. Отметим, что методика исследования, тематика работ коллег публикуется в сборниках, издаваемых ИА РАН и доступна научному сообществу (Методические аспекты..., 2021; Методические аспекты..., 2023, дата обращения 01.08.2024).

Усилия учёных по изучению кремаций позволят выяснить их общие тенденции и отметить особенности, оценить место в погребальном обряде населения Среднего Прикамья для решения вопросов этнокультурного взаимодействия народов.

ЛИТЕРАТУРА

Бернц В.А., Черных Е.М., Перевозчикова С.А. Исследования Камско-Вятской археологической экспедиции в Киясовском районе Удмуртской Республики // Археологические открытия 2010–2013 годов / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2015. С. 455–457.

Добровольская М.В. К методике изучения материалов кремации // КСИА. 2010. Вып. 224. С. 85–97.

Добровольская М.В. Предисловие // Методические аспекты изучения древних и средневековых кремаций / Отв. ред. М.В. Добровольская. М.: ИА РАН, 2021. С. 7–15.

Казанцева О.А. Погребальные конструкции как элемент кремации // Методические аспекты изучения древних и средневековых кремаций / Отв. ред. М.В. Добровольская. М.: ИА РАН, 2021. С. 40–43 (на англ. яз. С. 43).

Казанцева О.А. Кремации в погребальном обряде Кудашевского I могильника III–V вв. // КСИА. 2022. Вып. 266. С. 308–320. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.266.308-320.

Казанцева О.А. Кудашевский I курганно-грунтовый могильник // Эпоха Великого переселения народов / Археология Волго-Уралья. Т. 4. / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Р.Д. Голдина. Казань: АН РТ, 2022а. С. 193–206.

Казанцева О.А., Куприянов Д.А. К вопросу об информационном потенциале древесного угля кремаций Кудашевского I могильника (III–V вв.) // КСИА. 2023. Вып. 272. С. 193–207. DOI: <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.272.193-207>.

Казанцева О.А., Сунцова Н.Ю. К вопросу о погребальных конструкциях Кудашевского I могильника // Поволжская археология. 2022. № 1 (39). С. 221–231.

Клещенко Е.А., Решетова И.К. Палеоантропологические материалы в реконструкциях образа жизни и погребальной обрядности раннесредневекового населения Восточной Европы. М.: ИА РАН, 2019. 224 с.

Кореньюк С.Н., Мельничук А.Ф. Особенности погребального обряда населения Среднего Приуралья на грани раннего железного века и раннего средневековья (III–V вв.) // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов. Материалы научного симпозиума и научно-практической конференции (Ижевск, 22–24 июня 2005 г.) / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: УдмГУ, 2006. С. 408–411.

Кореньюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л. Погребальный обряд поздней части Мокинского могильника в Среднем Прикамье (по материалам раскопок 1994 г.) // Вестник Пермского ун-та. Сер. История. 2011. Вып. 1 (15). С. 65–80.

Кулябина Н.В. Пермское Прикамье в начале эпохи Великого переселения народов // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов. Материалы научного симпозиума и научно-практической конференции (Ижевск, 22–24 июня 2005 г.). / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: УдмГУ, 2006. С. 411–412.

Кулябина Н.В., Лабутин М.Г., Мельничук А.Ф. Некоторые особенности погребального обряда Мокинского могильника // Сохранение, восстановление, исследование исторического, культурного, природного наследия народов России. Материалы международной научно-практической конференции (Березняки, 29–30 октября 1998 г.). Березняки, 1998. С. 23–25.

Куприянов Д.А. Применение палеоантракологического анализа для изучения кремаций // Архив палеоантропологических материалов: контексты, исследования / Отв. ред. М.В. Добровольская. М.: ИА РАН, 2021. С. 114–122. DOI: 10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-2.114-122.

Мельничук А.Ф., Оборин В.А., Соболева Н.В. Исследования Мокинского могильника близ Перми // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: Коми науч. центр УрО АН СССР, 1989. С. 78–81.

Методические аспекты изучения древних и средневековых кремаций / Отв. ред. М.В. Добровольская. М.: ИА РАН, 2021. 80 с.

Методические аспекты изучения древних и средневековых кремаций / Отв. ред. М.В. Добровольская. М.: ИА РАН, 2023. 38 с. Доступно по URL.: https://archaeolog.ru/media/books_2023/metod_crem_sb_2023.pdf

Останина Т.И. Нивский могильник III–V вв. // Материалы к ранней истории населения Удмуртии / Отв. ред. М. Г. Иванова. Ижевск: Удмуртия, 1978. С. 92–117.

Черных Е.М., Карпушкина О.А., Перевоицков С.Е., Перевозчикова С.А. Исследования памятников железного века в Удмуртском Прикамье // Археологические открытия 2005 года / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: Наука, 2007. С. 398–400.

Черных Е.М., Перевозчикова С.А., Бернц В.А. Открытие и исследование нового могильника IV–V вв. на юге Удмуртии // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества. XIII Бадеровские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции (Ижевск, 22–23 апреля 2010 г.) / Отв. ред. Р.Д. Голдина, И.Г. Шапран, Н.А. Лещинская. Ижевск: Удмуртский университет, 2010. С. 207–211.

Черных Е.М., Хайруллина О.Ф. Боярский («Арай») могильник – новый памятник эпохи великого переселения народов в Прикамье // Археология Евразийских степей. 2018. № 1. С. 87–108.

Информация об авторе:

Казанцева Ольга Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Института истории и социологии, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия), kazantsevaolga@yandex.ru

REFERENCES

Bernts, V. A., Chernykh, E. M., Perevozchikova, S. A. 2015. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2010–2013 gg. (Archaeological Discoveries of 2010–2013)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 455–457 (in Russian).

Dobrovolskaya, M. V. 2010. In *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii* (Brief Communications of the Institute of Archaeology) 224, 85–97 (in Russian).

Dobrovolskaya, M. V. 2021. In Dobrovolskaya, M. V. (ed.). *Metodicheskie aspekty izucheniya drevnikh i srednevekovykh krematsiy* (Methodological aspects of ancient and medieval cremations study). Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 7–15 (in Russian).

Kazantseva, O. A. 2021. In Dobrovolskaya, M. V. (ed.). *Metodicheskie aspekty izucheniya drevnikh i srednevekovykh krematsiy* (Methodological aspects of ancient and medieval cremations study). Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 40–43 (in Russian).

Kazantseva, O. A. 2022. In *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii* (Brief Communications of the Institute of Archaeology) 266, 308–320 (in Russian).

Kazantseva, O. A. 2022a. In Sitdikov, A. G., Goldina, R. D. (eds.). *Epokha Velikogo pereseleniya narodov* (The Great Migration Period) Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 4. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences, 193–206 (in Russian).

Kazantseva, O. A., Kupriyanov, D. A. 2023. In *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii* (Brief Communications of the Institute of Archaeology) 272, 193–207 (in Russian).

Kazantseva O. A., Suntsova N. Yu. 2022. In *Povolzhskaya arkheologiya* (Volga River Region Archaeology) 39 (1), 221–231 (in Russian).

Kleshchenko E. A., Reshetova I. K. 2019. *Paleoantropologicheskie materialy v rekonstruktsiyakh obraza zhizni i pogrebal'noy obryadnosti rannesrednevekovogo naseleniya Vostochnoy Evropy* (Paleoanthropological materials in reconstructions of lifestyle and burial rites of the early medieval population of Eastern Europe). Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Korenyuk, S. N., Mel'nichuk, A. F. 2006. In Goldina, R. D. (ed.). *Vzaimodeistvie narodov Evrazii v epokhu velikogo pereseleniya narodov* (Interaction of Eurasian Peoples in the Great Migrations Age). Izhevsk: Udmurt State University, 408–411 (in Russian).

Korenyuk, S. N., Melnichuk, A. F., Pereskokov, M. L. 2011. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriia* (Bulletin of the Perm University: History Series). 15 (1), 65–80 (in Russian).

Kulyabina, N. V. 2006. In Goldina, R. D. (ed.). *Vzaimodeistvie narodov Evrazii v epokhu velikogo pereseleniya narodov* (Interaction of Eurasian Peoples in the Great Migrations Age). Izhevsk: Udmurt State University, 411–412 (in Russian).

Kulyabina, N. V., Labutin, M. G., Melnichuk, A. F. 1998. In *Sokhranenie, vosstanovlenie, issledovanie istoricheskogo, kul'turnogo, prirodnogo naslediya narodov Rossii. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (Bereznyaki, 29–30 oktyabrya 1998 g.). (Preservation, restoration, research of the historical, cultural and natural heritage of the peoples of Russia. Proceedings of the scientific and practical conferences (Berezniaki, 29–30 October 1998)). Bereznyaki, 23–25 (in Russian).

Kupriyanov, D. A. 2021. In Dobrovolskaya, M. V. (ed.). *Arkhiv paleoantropologicheskikh materialov: konteksty, issledovaniya*. (Archive of paleoanthropological materials: contexts, information support, research). Moscow: Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 114–122 (in Russian).

Melnichuk, A. F., Oborin, V. A., Soboleva, N. V. 1989. In Savel'eva, E. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia Urala i Povolzh'ia* (Archaeological Discoveries in the Urals and Volga Region). Syktyvkar: Komi Scientific Center, Ural Branch of the USSR Academy of Sciences, 78–81 (in Russian).

Dobrovolskaya, M. V. (ed.). 2021. *Metodicheskie aspekty izucheniya drevnikh i srednevekovykh krematsiy* (Methodological aspects of ancient and medieval cremations study). Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Dobrovolskaya, M. V. (ed.). 2023. *Metodicheskie aspekty izucheniya drevnikh i srednevekovykh krematsiy* (Methodological aspects of ancient and medieval cremations study). Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Ostanina, T. I. 1978. In Ivanova, M. G. (ed.). *Materialy k rannei istorii naseleniya Udmurtii* (Materials for the Early History of Population of Udmurtia). Izhevsk: "Udmurtia" Publ., 92–117 (in Russian).

Chernykh, E. M., Karpushkina, O. A., Perevoschikov, S. E., Perevozchikova, S. A. 2007. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2005 g.* (Archaeological Discoveries of 2005). Moscow: "Nauka" Publ., 398–400 (in Russian).

Chernykh, E. M., Perevozchikova, S. A., Bernts, V. A. 2010. In Goldina, R. D., Shapran, I. G., Leshchinskaya, N. A. (eds.). *Arkheologicheskoe nasledie kak otrazhenie istoricheskogo opyta vzaimodeistviia cheloveka*,

prirody, obshchestva. XIII Baderovskie chteniia (Archaeological Heritage as a Reflection of Historical Experience of Interrelations between Human, Nature, and Society). Izhevsk: Udmurt State University, 207–211 (in Russian).

Chernykh, E. M., Khairullina, O. F. 2018. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 87–108 (in Russian).

About the Author:

Kazantseva Olga A., Candidate of Historical Sciences, associate professor, Institute of History and Sociology, Udmurt State University, Universitetskaya St., 1 building 2, Izhevsk, 426034, Russian Federation, kazantsevaolga@yandex.ru

Статья поступила в журнал 31.10.2024 г.
Статья принята к публикации 07.04.2025 г.